

Магадан

Я, конечно, уже ни на что не рассчитывал. Да вы и сами все поймете. Всю жизнь, всю жизнь, я стремился доказать свою дееспособность этому городу, и всю жизнь судьба меня обламывала. Она как бы заговорщицки подмаргивала мне – «ничего, мол, какие твои годы, зайдешь на второй круг, а сейчас, извини...» А сам Магадан с любопытством следил за моими потугами к взаимности. Не спешил.

В салоне самолета как всегда, тесновато, но уже есть настроение, все, задрыванные дискуссии позади, едрена мать, удалось пронести бутылку «PASSPORT» в немыслимых дебрях, ведь я матрос, а не портянка, теперь кто у нас попутчик? А попутчик у нас какой-то хрен с модным шарфом не меньше двух метров, но, потом, минут через пятнадцать, оказалось, что в этом шарфе на воздушное судно поступило еще пол галлона виски, а Петруччио вовсе и не хрен, но, так или иначе, с хренами связан, он летел на мою любимую Чукотку, да больше того, в мой обожаемый Уэлен, и, вот теперь вы уж можете сказать, что «не верю», он летел туда по настоящему мужскому делу, которое я всю свою жизнь дико уважал, он летел за порцией моржовых хренов.

Да, да, граждане и дорогие старушки, не перевелись еще на земле люди, знающие толк в настоящем настое бытия. Потому как торговать на материке моржовыми хренами всегда было уделом замечательных людей. Их еще называют людьми доброй воли. И Петруччио был одним из них. И уже настроение дико зашкаливало, салон казался ареной Лужников, да каких на фиг Лужников, римским Колизеем, но мы строго соблюдали правила приличия поведения. А как? А так. Напился, сиди и выражай мысли вслух, но только собеседнику. Ты в яранге, мать ее итти. И больше никаких телодвижений. А то все завалится. Этому нас научили чукчи. Те, правда, едва выбравшись из жилища на карачках, тут же пытались заняться любовью в процессе. Но кому это мешало? «Делайте любовь, не делайте войну». Хиппи у них передрали.

Вот этот опыт и оказался пагубным. Нет, нет, это не то, что вы подумали. Мы с Петруччио не чукчи, хотя и многому у них по жизни научились. Ну и не только не чукчи. Твою мать, я немного запутался. Больно деликатный предмет. Хорошо. Вот летят в Магадан два русских мужчины, пьют виски. В смысле, двое. Двое русских мужчин. Придерживаются нормальной традиционной сексуальной ориентации. Разговаривают о хренах, но исключительно моржовых. Пока все.

Тем более, что речь не о самом полете, а о происходящем в самом городе Магадане.

А вот этого я как раз и не помню.

Теперь, как полагается, история всей этой былины.

Жизнь так круто развернулась, что я восемнадцати лет попал в бухту Провидения на Чукотке. Там дислоцировался 113 радиотехнический полк ПВО, а в нем дислоцировался я, простой русский солдатик. И послали меня как-то старшие командиры, в ответ на недочеты по службе, рыть ямы, два на два метра, для военных антенн, в поселок Сиреники. Время выбрали подходящее, октябрь, уже поземка начиналась, до первой пурги всего ничего, пилот вертолета оказался сучарой позорной, запахло ему садиться в свежий сугроб, завис над плато, так мы и попрыгали из машины, с тощими рюкзаками и маленькими незакаленными ломиками, которые согнулись через три дня, а тут еще аутичные чукчи пограничному патрулю сдали, когда я, гордый незнакомец, в каком-то полувойенном прикиде, сверху старший сержант (не мое), снизу стилига 60 годов (узкие брюки), пришел в поселок портвейн покупать...

Господи, о чем я?! Видно, эта рана так никогда и не заживет. Так вот, в эту Бухту, на эту долбаную Чукотку, казалось, с материка иначе как через Магадан не попадешь. Ну а мы, еще в Иркутске, как только узнали, куда нас везут служить, впали в транс. А как русский человек ведет себя в трансе. Конечно, пьет. Да причем так пьет, что самому потом страшно становится. И мы пролетели через этот Магадан очень даже равнодушно. В том смысле, что пролетели, или не пролетели – никто и не помнил. Эту амнезию я потом назову магаданской. Вот так я впервые столкнулся с этой притчей в моей жизни, под названием Магадан.

- Хорошо, - думал я, - но ведь буду когда-нибудь домой возвращаться. Или не буду? До дембеля еще полтора года, ужас, ужас, суматоха. Ну, если буду, обязательно похожу по столице колымского края, полюбуюсь на голубые проспекты.

Там, в бухте Провидения, мне казалось, что в Магадане не совсем улицы, а именно голубые проспекты,

рассекающие город только по перпендикулярам. Строго говоря, я и сейчас, через десятки лет, так думаю. Потому что, вылетев из аэропорта бухты Провидения еще на военном борту ЛИ-2, в Анадыре ваш покорный дембель пересел наконец-то в нормальный штатский ИЛ-18, не удивляйтесь, были когда-то, в семидесятых, такие самолеты, и вот в салоне ИЛ-18 я ощутил первые толчки забытой гражданской жизни. Так вот молодая беременная женщина вдруг получает первый неожиданный сигнал в пузатом организме... Опять я, кажется, не туда рулю. Да и не так у них все это делается. И все же. Мне стало не по себе, я тревожно вертелся в кресле вплоть до первой посадки, а она случилась, как вы сами догадываетесь, в Магадане.

- Зайду в буфет, глотну кофейку, - начал я восстанавливать гражданские привычки, - а потом пройдем катком по Магадану!

Наверное, повел себя как-то слишком самоуверенно, как-то и правда, как старичок-дембель, хотя на самом деле совсем этим не грешил, и Магадан решительно пресек намечающуюся экспансию. А рука у города твердая.

В буфете небольшая очередь, кофе растворимый, и дурмнящий запах сосисок. Елки-молотки, только сейчас я вспомнил, что есть на свете вкусные вещи, гораздо вкуснее осточертевшей горбуши, красной икры, размороженной водянистой консервированной картошки и убитых десять лет назад коров. Сохранялись они у нас в вечной мерзлоте, как и якутские мамонты. А из постоянных женщин - девчонка Даша. Интернатовская школьница. И все бы ничего, но по национальности Даша была чукчей. А у них все как-то не по человечески. То есть, по человечески, но уж больно как-то по ранне человечески. Субкультура, однако. Но лучше я не буду судить. Чтобы остаться несудимым.

Хотя как раз я-то имею право поговорить о Дашкиной судьбе. Целый год учил ее русскому письменному, потому как был беглым студентом со второго курса филфака. А старшина роты старшина Гаркуша отвечал за естественные науки. Он был беглым с третьего курса физфака. И целый год этот двухметровый увалень-тяж просидел шифровальщиком в нашем подземном бункере КП на антресолях, вылезая оттуда только на рубон в столовую и в клуб. Переждал тяжкий первый год.

Дарья кончила школу с серебряной медалью, поступила в институт народов Севера, а сегодня большой чин занимает в администрации округа. Мне есть чем гордиться.

Хорошо, и Гаркуше тоже.

Вот застало нас метео в ротной сушилке, на дворе чертовщина, ветер воет, снег несется, а здесь тепло. Вообще-то Даша жила на территории части в клубе под сценой. По интерьеру – точная копия гаркушинских антресолей. Наверное, поэтому, его так и тянуло к ней. И каждый дежурный по полку пытался выкурить ее оттуда. Через час вылезал из под сцены, безнадежно махал рукой, и шел дальше дежурить.

Бывало, что и комполка заглядывал. Обычно суровый, полковник долго ходил вокруг да около этой сцены, поставив на шухер ПНШ, помощника начальника штаба, а на самом деле своего ординарца, потом нырял под нее, как в прорубь... Где-то минут через 40 появлялась его супружница, Валентина Ермолаевна. Не доходя до ПНШ метров 200-300, она начинала дикораздирающе свистеть в два пальца. ПНШ запоздало бил тревогу, и они с командиром смывались через черный вход.

- Ты зачем ее так близко подпускаешь? – Грозно спрашивал комполка.

- Да как ее не подпустишь?! Это же не командирша, а соловей-разбойник.

- Смотри, Василий. Сам коньком-горбуньком станешь, если што... Че ты за ПНШ, если с одной полковой ****ью справиться не можешь?!

- Ух ты,... - саркастически думал Василий, - богатырь Еруслан.. херов...

А Ермолаевна в клуб даже не заходила. С доброй, все понимающей улыбкой, шла по своим делам. И «если што», она этим своим свистом всю роту могла под ружье вмиг поставить. Правда, никогда чудесным даром не пользовалась. Ну, а если уж совсем по правде, то очень редко.

Рота была непростой. Это была рота управления. И когда Ермолаевна не могла уже удерживать свои девичьи фантазии, управление между разбросанными по всей Чукотке радиолокационными станциями терялось. Какая-то сука тут же давала знать на военную базу в Ном, американцам. Торопливо заправлялись и взлетали один за другим их ЭРЭСы. Воздушная разведка противника начинала действовать.

Ротный командир вместе с казарменным котом Никодимом запирались в канцелярии.

Ротный замполит меланхолично часами наигрывал на гитаре в ленинской комнате.

- Делай что хочешь, полковник, а чтобы через час Ермолаевны в казарме не было, - орал в трубку генерал, командир дивизии из Анадыря.

Комполка подходил к нашей роте, долго рассматривал построшку, качая головой – не нравился ему барак, цыкал

на ПНШ, потом, как в прорубь, нырял вглубь нашего дома, дневальный, два шага навстречу, пряча глаза, пытался доложить, «не напирай, не напирай, 10 суток», срывал на нем страх и злобу командир, уходил вглубь пещеры, в чрево, и оттуда несло: «священный долг... Валентина, оголена граница... беззащитное небо... смена уже сутки не заступает на защиту северо-восточных рубежей... ты как мать, и как коммунист... мы же форпост... Федька вчера сожрал что-то, с горшка не слезает, пришлось санинструктора Шмакова задействовать..., пойми, дура, это же серьезное дело – Родину защищать..., уже восьмой ЭРЭС границу пересек туда и обратно, не успеваем, мать его итти, комдив лысеет...»

- Че тут разведывать, - удовлетворенно шепелявила Ермолаевна, шпильки в зубах, на ходу длиннющую косу короной, выходя на свет божий, - они уж больше нашего знают. Где что лежит. Кто не только лысеет, а уже четвертую норку бабе своей покупает, а ты, охламон, куда глядишь, какой ты на хер ПНШ, если за ребенком углядеть не можешь, Шмакова они «задействовали», долбоскребы, будете теперь вместе снежок с крыши сбрасывать, полковник, ты, Федька и Шмаков, хааарошая компания...

- Вот вы лааетесь, Валентина Ермолаевна, - обидчиво и бесстрашно защищался Василий, - а в полку в пору боевую объявлять. На планшете считай никого, радистов вторые сутки полтора человека, морзянка у их уже из глаз сыпется, половина данных с точек отсутствует, засекреченную аппаратуру связи ихний лейтенант Семененко до сих пор табельным оружием на рабочих местах удерживает, оперативный дежурный на КП, новенький, чуть не застрелился от страха. На него этот бездельник наш, толстомордый, особист, наорал, ну он и...

- Проснулся ... чекист херов. Ладно, счас разберемся, - уже чуть смущенно бормотала Ермолаевна, затыкая в корону последнюю шпильку.

- Считывающий, диктор, че вытворяет! Две цели провел, и обратно, в казарму, под ваше... покровительство.

- Никита-то?! Никита хороший... специалист. - И тут странная улыбка перекосила ее доброе и красивое лицо. В глазах опять плеснуло веселое безумие. - Выносливый... спортсмен.

- Да Бог с ними, - испугался Василий, - надо порядок наводить, Валентина Ермолаевна.

- Слушай, хватит ныть. Ты мое слово знаешь. Как будто в первый раз.

- Есть хватит ныть!

Осторожно, с большой опаской, первой высовывалась из двери канцелярии морда кота Никодима, потом появлялся фальшиво заспанный ротный: «А че происходит-то?», замолкала, наконец, чертова балалайка в ленинской...

Ужас, ужас, суматоха... приятно вспомнить.

Но, повторяю, Ермолаевна властью, данной ей природой, не людьми, не злоупотребляла, только уж когда совсем припрет, поскольку еще до замужества умудрилась где-то вступить в КПСС, и с отвращением, но прислушивалась к голосу разума, с грехом пополам, но все же была зависима от общества, руководила самодеятельностью, Дашка у нее участвовала, и, в целом, понимала всю ответственность за небо Родины. Короче. И в клубе, и в казарме, происходило полное взаимопроникновение культур, обкатывалась национальная и половая толерантность.

А тогда Дашку пурга остановила. Учтите, в полку строгая пурговая дисциплина, ей подчиняются все, кому хоть сколько нибудь дорога жизнь. Разговорились по душам, о том, о сем, о непреодолимых преградах. И она мне рассказала о заклатье их рода. Оно состояло в том, что родители Даши, настоящие оленеводы-тундровики, никак не могли попасть в город Магадан. Деньги вы платят в сельсовете села Майно-Пыльгино, они их шибко начинают беречь.

Потому что есть большая жизненная цель у всех местных оленеводов – попасть в город Магадан, подивиться широким и светлым проспектам, зайти, наконец, в ресторан! Да, в ресторан! И ничего здесь такого нет, на свои, на трудовые, олешек-то пойдешь попаси в тундре. За такой труд не молоко надо давать, а чистый спирт. Но поскольку власть его бесплатно не выписывала, приходилось личную трудовую копеечку тратить. Личный – значит отличный! Хотя я бы так не сказал. И мечтали оленеводы о ресторане «Колыма», как об Эльдorado. Есть такой в Магадане. А может, и нет. Но обязательно должен быть.

Подлянка в том, что суровая реальность заложена в их судьбу еще при рождении. Попрятав деньги в закромах малиц, семья выбиралась из поселка на нартах, в Провидение. Там они оставляли собак у родственников, и шли в аэропорт. В аэропорту Провидения обязательно был буфет. Буфет после тундры казался тем самым рестораном «Колыма». Ну, или его предтечей, что ли. Чукчи, тундровые, народ основательный. И они всегда заходили в него для тренинга перед основным праздником в Магадане.

Местные торговые организации учитывали эту черту национального характера. То есть в буфете круглосуточно

были и водка, и портвейн, а если хорошо попросить буфетчицу Викторию Анисимовну, то и спирт. Виктория Анисимовна несла вахту тоже круглосуточно. И ее счет пополнялся с космической скоростью. Родной Житомир мог спать спокойно. Впрочем, хрен с ней, с буфетчицей. Не о ее паршивой жизни идет речь. И все претензии по поводу того, что мальчик Алеша, сын ее, издали похож на меня – вздор несусветный. На всю нашу славную роту он похож.

Я здесь год с небольшим, а Алеше – мальчик, кстати, шустрый, казарменный кот Никодим и наш ротный его за версту обходят – уже три. А как раз на них он боле всего и похож. Оба два – знаменитые фокусники. Нет, ну а какой нормальный кадровый офицер будет обучать кота строевой? Да ладно старлей, уже тогда видно было, что психический, но ведь самому Никодиму это нравилось! И тянул он переднюю правую лапу, прямо как я ногу на плацу. Даже лучше получалось. Не знаю, так ротный говорил. А он в этом случае очень субъективен.

Естественно, время все расставило по своим местам. Кота Никодима Алеша нечаянно зажал дверь в ленинскую комнату. Тот помучился три дня, и подох. Ротный ходил черный от горя, потом как-то выбрал меня в «дуэньи», и целую ночь выговаривал, как он ненавидит этого ребенка. Хотя понимает, что тот не хотел Никодиму мучительной смерти. Слова старший лейтенант выбирал простые, но за ними чувствовалось глухое проклятье. Все это потом очень напоминало жутко страстный рассказ летчика Петренко в купе поезда в фильме Алексея Германа «Двадцать дней без войны». Для меня лично – чистой воды дежавю. А ротный поставил огромную фотографию котяры в ленинской комнате, и каждый день заходил к нему поговорить.

Потом нагрянула проверка с генералом, командиром дивизии из Анадыря, тот увидел фотку, и обалдел. Но гром не успел грянуть. Спас всех наш ротный замполит, невзрачный на вид Сашка Болотин, прототип «Радио шансон». Он гитару из рук не выпускал, давил блатняк, но это был всего лишь коварный инструмент в умелых руках – это была маска изощренного лицедея – эротомана. При его помощи Саня поимел всех женщин поселков Урелики и Провидения. Так именно он и не растерялся, сказал генералу, что это ленинский кот. Тот самый, с которым уже больной вождь запечатлен в Горках его имени.

Генерал притих, а начальник политотдела распорядился, чтобы копии кота Никодима сей же час разослали во все ленинские комнаты всех подразделений дивизии. Через неделю политотдельцу добыли оригинальную фотографию. На ней Ленин держал на руках изящную черно-белую кошечку. Никодим был brutальным, крупным и рыжим. Начальник слег с инфарктом, Сашку уволили из рядов, ротный натурально сошел с ума, и скоро ушел к Никодиму, а мальчик Алеша вырос, стал олигархом, и теперь мелькает на экране телевизора. Я, когда его вижу, сразу замурашиваюсь – так похож. И на Никодима, и на ротного.

Но не будем отвлекаться.

Хотя это невозможно.

Чукчи-отпускники гуляли на улице, около здания аэропорта. Здесь никакой дискриминации нет, просто тундровый народ у родственников, рыболовов и китобоев, запасался в дорогу своим деликатесом, копальхен, копалькой, иначе говоря, протухшей в специальной яме рыбой, и терпеть этот запах в помещении было невозможно. Нет, я то, пока в Сирениках долбили под кострами ямы в вечной мерзлоте целый месяц, привык и ко вкусу тоже. И кита разделявал, а уж от того запах! А если еще под это дело – немного рыбки копальхен и пластик китового жира - опрокинуть красивую пробочку одеколона «Белый медведь», то сначала пожалеешь, что на свет родился, а потом согнешься на нижних нарах, и отдохнешь телом и душой. Такой оргазм наоборот, со знаком минус. Омерзительный (слабый эпитет!) вкус хранится в организме дней десять.

Нет, погодите, куда вы, рассказ не об этом, не об этом. Рассказ о фатуме. О том, что белеет, белеет... да. Вы поняли.

Магадан.

Вот примерно так Дашины родители и не попадали в Магадан. Город-мираж. Пропив все, начинали заниматься любовью, прямо в девственном синеватом снегу, портовые службы строго пресекали, и они шли за нартами, и уезжали домой, в тундру. Особо, впрочем, на судьбу не сетуя. Это тоже в их характере.

Сосиски показались райской пищей. Правда, это были те еще сосиски, застойных семидесятых, когда крали, конечно, но не миром, не «всем обществом». А Анастасу Ивановичу Микояну было не стыдно за бренд. И потому..., потому я сначала съел одну порцию, потом вторую, потом третью - успокоился на восемнадцатой сосиске. После чего вашего дембеля так скрутило, что ИЛ-18 продолжил свой путь без меня. Я же, отлежавшись под капельницами в санчасти аэропорта, был посажен вновь на военный борт, но уже ИЛ-14, с которым и отбыл восвояси. Магадан ехидно помахал мне ручкой – передавай привет Хабаровску.

Примерно лет через 5-6 флэш-рояль таки выпал. Технический рейс самолета ИЛ-62 стартовал в декабре из

Внуково. Всё, как у людей: аккредитован, чисто выбрит, абсолютно трезв, настроен решительно, наконец-то, наконец-то, Магадан станет моим. Он ведь станет?! Я смогу прогуляться по этим сказочно прямым и светлым проспектам города, черт возьми?! «И черт их с удовольствием бы взял...» Кажется, «Луковый суп» Евг. Александровича Евтушенко. Бог мой, память, как помойка, чего только в ней не вертится. Ударение на первом слоге. «Идут белые снеги...» опять Евтух. «А по русски снега...» Это уже Тимур Кибиров, и ударение...

Так, все. Нет, можно было, конечно, продолжить, поговорить об этом, но ведь ни тот, ни другой, понятия не имеют о торговле моржовыми хренами. А здесь это имеет статус первичности. Че написал!? У меня есть взрослая дочь. И я официально прошу ее воздержаться от подобных фраз. В течение всей ее, даст Бог, длинной и содержательной жизни. А тут я просто хотел сказать, что у каждого из них интересная и яркая судьба, но что-то оба все – таки упустили.

Хорошо.
ИЛ-62 оторвался от летной полосы...
Ну, я надеюсь, все знают, что такое технический рейс? Не все. Удивительно. Хорошо, рассказываю. Это первый рейс самолета этого типа в новый для него аэропорт. Ну и, конечно, весь пафос, связанный с событием. С нами на борту летел, к примеру, замминистра гражданской авиации. Так получилось, так звезды сошлись, что его место в первом трехместном ряду, оказалось между моим и креслом моего друга, тоже большого ценителя моржовых хренов. Он и не предполагал, в какую затейливую историю его увлекает водоворот событий. Хотя, это единственное, что его оправдывает.

Речь, конечно, о большом начальнике. Да что там большом – по тем временам, а, особенно, в той ситуации, огромном начальнике. Стал он им недавно, поэтому еще не научился радоваться простым житейским радостям. Мы выпили за великое событие, в котором принимали посильное участие, и замминистра вдруг вытащил из кожаной папки, с которой не расставался ни на минуту, десяток фотографий. Это было фото его недавно полученной квартиры.
- Сортир-то, сортир! Восемнадцать метров! У меня раньше кабинет такой был. А вот мой нынешний кабинет. Он показал нам свой нынешний кабинет. На огромном письменном столе лежал до боли знакомый предмет. Сантиметров 50, не меньше.

- Тоже интересуетесь? – Спросил мой друг, кивая на предмет.
- Чем? А, это. Это мне знакомый откуда-то с Севера привез. Какая-то первобытная кость.
- Ну, не совсем кость. Хотя, и кость тоже. – Задумчиво сказал друг.
- В смысле?
- В смысле это хрен моржовый. А он, в зависимости от ситуации – то кость, то не кость. Все, как у нас. Ну, или у нас, все, как у них.
- Чево?! Какой на хрен хрен морожовый! Да у меня им маленькие дети играют. Да я им недавно жену поперек...поперек спины захерачил! Ты чево мне тут рассказываешь!
- Вот и чево! – Начал чуть-чуть заводиться мой друг. – Хреном моржовым вы свою жену захерачили. Любой нормальный человек вам это скажет.
- Да ты...- Начальник начал нервничать, угрожать и материться одновременно. – Ссажу сейчас на хер!
- Как это? Мы же технический рейс. Куда ты на хрен меня ссадишь?!
В этот момент я четко почувствовал неотвратимость судьбы. Взял бутылку водки, выпил прямо из горлышка, и лишь потом заступился за друга.
- Ты, фазан разноцветный! Тебе говорят знающие люди! Это – хрен моржовый. И ты тоже...хрен моржовый. Ссаживай теперь. Ссажалка еще не выросла. Для того, чтобы нас сейчас ссадить, она вот такой должна быть. Я кивнул на фотографию.
- А у тебя! Все бабы министерские хохочут, вспоминая...
Это, я, конечно, хватил.
- Чичас! – В большом человеческом волнении сказал замминистра.

Так и сказал - «чичас». И ушел в кабину летчиков. И так из нее и не вышел больше. А ИЛ-62 минут через десять начал снижаться, и скоро сел в Певеке. К нам подошел руководитель министерского пресс-центра, и виновато стал около сидений. Все было ясно без слов. Ошибся я – все же выросла у него ссажалка. Народ провожал нас как-то непонятно. То ли с одобрением, то ли с глубоко запрятанным глубоким удовлетворением. Вот, журналисты, а все равно творческая среда. Чувствуется. А ведь мы организовали сенсацию – самолет экстренно сел на запасном аэродроме. Вот тебе, бабушка, и технический рейс.

Хотя написать об этом не разрешили – такие были тогда нравы.

- Ччас, - вдруг сказал мой лучший друг Петруччио, - не уходи никуда.

Я невольно насторожился. Транскрипция слова мне не понравилась. Петр встал и лживым театральным твердым шагом направился в кабину летчиков, по пути абсолютно машинально ущипнув стюардессу Любашу за попу.

Он вернулся минут через десять чрезвычайно довольный. Конечно, вся эта возня Петруччио с экипажем лайнера сразу показалась мне подозрительной.

Но Петруччио невозмутимо разлил «PASSPORT» по рюмкам, и мгновенно среагировал на проходящую сбоку Любашу. Стюардесса тоже была уже подготовлена, да и у меня вообще сложилось впечатление, что эти двое давно знают друг друга, и ей не то, чтобы не нравилось внимание Петруччио, а просто попу жалко, и на этот раз Любаша к нему повернулась передом, Петруччио попал куда-то не туда, жутко смутился, покраснел, как рак, что-то пробормотал... Я в который уже раз убедился, что рядом летит настоящий продавец моржовых хренов, без понтов.

- И не надо этого стесняться! – Попросил я его. Петруччио испытал катарсис. Через минуту что-то в этом роде испытал и я.

- Леди и джентльмены! Граждане и дорогие старушки! Робята! Танкисты! - Стюардесса Любаша помолчала. Она подбоченилась в проеме коридора. Левое ее бедро вызывающе подрагивало. Это был тревожный момент. Я очень хорошо различил среди других чувство разделения души и тела. А как же Магадан?! Да Бог с ним, с Магаданом.

- Да на фига вам этот Магадан сдался – продолжила Любаша. - Что вы в нем не видели? Да и потом – чем дольше в него путь, тем длиннее и разнообразнее ваша жизнь. Разве не так?

- Истинная правда! – Закричал Петруччио. Гул одобрения в салоне был слышен даже сквозь рокот турбин.

- А потому летим в Провидение! – Торжественно объявила Любаша, не переставая что-то жевать. Теперь подрагивало правое бедро. Она многообещающе смотрела в глаза Петруччио.

- Петруччио! Дружище! Скажи честно, твоя работа?

- А то, – прямо мне в лицо засмеялся торговец моржовыми хренами, - нет, ты заметил?! Ни одного ренегата на борту.

- Ну с Любашей-то понятно. Но что ты сказал экипажу?

- Ничего. На, пожуй, успокойся.

И Петруччио протянул мне пластик жевательной резинки. Машинально кинув его в рот, я чуть не поперхнулся.

- Сократ?!

- Он. – Лицо Петруччио на миг стало серьезным. А мои душа и тело опять стали единым целым.

- Понятно. Но почему в Провидение?

- Ну, во-первых, это место твоей настоящей жизни. А во-вторых, мне оттуда ближе к Уэлenu.

Из кабины вышел что-то медленно жующий командир Александр Леонардович Христофоров. Проходя мимо нас, он потрепал Петруччио по затылку.

- Ну ты...- протянул я восхищенно. – Ну ты горазд, прохиндей. А он знает, что жует? Откуда это мощное ощущение свободы как осознанной необходимости?

- Что ты...- испугался Петруччио.

- Петька. Ты хоть представляешь, какой аллюр тебе надо взять сразу после посадки в Бухте?!

- Представляю. – Помрачнел Петруччио.

- Ну ты не журишь. Я прикрою отход.

- Как?! Он же опытный волчара...

- Ну да. Я и напoмню, как в канадском секторе Ледовитого на подскоке вместе «аннушку» утопили. Льдину для СП искали. Пока толщину бурили, она у нас глюкнулась. Второй, слава Богу, успел выпрыгнуть. Христофорыч жуть не любит эту историю вспоминать. У него тогда золотая «Победа» на дно ушла. Отличные часы. Забудет про тебя.

- Друг! С меня моржовый хрен для кабинета. Можешь пока подумать над сюжетиком для Валерки-мастера. Картинку гарантирую, пока не вырежет, ни стопки у меня не выпьет.

- Вот че ты говоришь такое! Да он без небольшой поддачи вообще не режет.

- Это миф. Причем, придумал его он сам. Еще как режет. В смысле, более качественно. Но Сократа я ему дам.

- Петруччио. Не надо этого делать. Хватит с них нашей водки.

- Эх. – Вздохнул Петруччио. – А иначе никак. А иначе «Нимфа» не дает кисть...

- Ну, ладно. – Вздохнул за ним и я. – А картинка та же самая...

- Заседание Государственного совета?!

- Истинно... Так, на посадку пошли. Разливай по последней.

- Последняя у попа жена была.

Но в Бухте я сразу забыл про Петруччио, каюсь. Ну а как?! Дашка встречала, красивая, строгая, в праздничной малице. Глава Департамента. С хлебом, солью. Специально из Анадыря, все бросила. Обняла, поцеловала. Даже сквозь толстый мех почувствовал антично мраморную грудь боевой подружки. Как-то вся жизнь разом промелькнула. Шучу. Но вот катарсис... Че то я на нем заиклился. Вы должны простить. Прав Петруччио – настоящая моя жизнь была здесь. И никуда отсюда за эти годы не уходила.

- Я вообще – то в Магадан...- некстати ляпнул я ей.

- Магадан, Магадан...- к нам подошел Александр Леонардович Христофоров, - Магадан еще заслужить надо. Где этот гад, Петруччио? У меня башка заболела. Надо бы наказать, паразита. И Сократа еще взять.

- Да вон он, - показала на взлетающий МИ-8 Даша.

- Эх, - вздохнул полярный ас Христофорыч, - ну, ничего. Еще встретимся. А то может за ним, в Уэлен?

- Ну нет, - я обнял его и Дашку за плечи, - здесь наше место. Идем. А уж потом в Магадан.

- Да, да, - разулыбалась Дашка, - там, говорят, проспекты. Голубые, светлые, прямые. Пройдемся туда и обратно. Конечно. Магадан.